

Egyetemi doktori (PhD) értekezés tézisei

**ИЕРАРХИЯ В ДИСКУРСЕ ПРАВОСУДИЯ:
ВЛАСТЬ И ПОДЧИНЕНИЕ В РЕЧИ
ПРОФЕССИОНАЛА И ГРАЖДАНИНА
(НА МАТЕРИАЛАХ ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕЛЕШОУ «ЧАС СУДА»)**

Buzásné Sahverdova Nava-Vanda

Témavezető: Dr. Agyagási Klára

DEBRECENI EGYETEM

Nyelvtudományok Doktori Iskola

Debrecen, 2013

I Цели исследования

Цель исследования – описать некоторые языковые средства, при помощи которых участниками дискурса порождается, поддерживается и выражается позиция власти и подчинения в определенном виде правового дискурса, в дискурсе юридического шоу, представляющего заседания мирового суда. В процессе исследования нами употребляется терминология, характерная для различных теоретических основ, с целью охватить и представить как можно более контрастно, достаточно широкий круг явлений. Основную теоретическую базу исследования представляет разговорный анализ, в дальнейшем аббревиатура КА.

Существует дисгармоничность между «классическим» объектом и материалом исследования в духе разговорного анализа – повседневной речи в интеракции и организующих действие речи в интеракции структурных особенностей – и объектом, и материалом настоящей работы – дискурс социального института, права и создающие иерархию в интеракции социального института структурные особенности. С этой точки зрения наше исследование отличается от типичного исследования речи. Основное отличие исследовательской позиции у нас – это наличие гипотезы. Мы заведомо предполагаем, что в интеракции социальных институтов должны быть средства для выражения иерархии, проистекающие из институциональных ролей участников интеракции. Наша цель – описание этих средств. Мы предполагаем, что лицо с идентитетом профессионала контролирует речевые шаги непрофессионалов, как и все их поведение в судебной процедуре. Однако при этом дальнейших предположений мы не строим, а в поиске этих средств, речевых практик, исходим исключительно из анализа текстов, таким образом, избегая обобщений или чрезмерной субъективности.

Другое дисгармоничное с позициями КА положение исследования, это языковой материал, который подвергается рассмотрению. КА описывает структурные особенности, организующие повседневную, естественную речь в интеракции. В данном же случае подвергнутый рассмотрению материал – это

дискурс института правосудия, кроме того, помещенный в рамку юридического шоу. Однако это не значит, что этот специфический тип дискурса не может быть описан при помощи методики КА. Наоборот. Многочисленные исследования (THONUS 1999, HULS 2000, THORNBORROW 2002, GOODWIN 2002, ARMINEN 2005, WANG 2006, HAWORTH 2006) подтвердили, что КА сам, либо в комбинации с другими теоретическими предпосылками¹ может служить подходящей теоретической и методологической рамкой для исследования речи различных социальных институтов в общем, а также иерархичных отношений в речи лиц, обладающих определенными институтскими ролями в частности. Однако следует заметить, что речь институтов сильно отличается от повседневной, так же, как и речь различных институтов, и различные речевые жанры в стенах одного института, друг от друга. Рассматривая объект с точки зрения других теорий, таких, например, как теория речевых актов (в дальнейшем ТРА) или теория вежливости мы видим подтверждение этого. При описании дискурса социальных институтов основой его описания является его сопоставление с повседневной речью выявление отличий, специфических явлений речи социального института.

При выборе теории, с точки зрения которой описывается определенный объект необходимо раскрытие эпистемиологических основ, при общей основе возможно одновременное использование. В нашем случае общая база – интерпретативизм, при этом мы используем терминологию, например, теории вежливости, но согласно нашей точке зрения. Например, мы употребляем понятие «ликоустрашающий акт» или «лицо» но не в том смысле, как употребляли эти понятия в своих трудах Гофман или соавторы Браун и Левинсон, а как релевантные для говорящего, созданные в сиюминутной интеракции явления.

---

¹ Возникает вопрос о совместимости теоретических баз.

II Теоретическая рамка и метод исследования

Анализ и транскрипция наших текстов произведены на основе теории и методики КА, однако, подчиненно целям исследования, с употреблением других теоретических аппаратов и терминологии.

Диссертация, состоящая из девяти глав, может быть разделена на две части – в первой рассматриваются теоретические и методологические предпосылки исследования. В центре внимания находится КА, как основной инструмент работы с эмпирическим материалом. Представление теоретических основ для выполнения исследования включает в себя основные постулаты КА, на основе которых создается сильная методология для описания структурных особенностей организации продукции и интерпретации речевой деятельности индивидов в разных ситуациях. В кратком обзоре описывается зарождение и развитие КА, производя попытку обозначить место и отношение этого направления в разнообразии лингвистических, социологических и психологических теорий по исследованию дискурса второй половины XX века. Особенности образа мышления конверсационистов выявляются в процессе сравнения КА с другими теоретическими рамками, такими, как теория речевых актов и критический анализ дискурса. В процессе сравнения с этими направлениями нами рассматриваются также два ключевых понятия – правило и контекст, радикальное различие в интерпретации которых наглядно представляет позиции и умозаключительную логику КА.

Общая теоретическая цель КА: описание повседневной коммуникативной деятельности индивидов данного общества (процессы продукции и интерпретации), систематический анализ заданного и ограниченного контекстом процесса языкового взаимодействия. То есть, как создается в процессе речи в интеракции понимание, каким образом демонстрируют говорящие друг другу интерпретацию прозвучавших ранее отрезков очередей (секвенций), как создаются последовательности. Основные принципы КА, по мнению многих исследователей, очень близки к методам социологии, поскольку изучают язык в

его социальных, межличностных, интерактивных² проявлениях, вернее то, как сама социальная среда, институты, ритуалы, конвенции зарождаются и воссоздаются в процессе речевой деятельности³ (SACKS 1984:26, SCHEGLOFF 1980, РУСАКОВА 2007, PSATHAS 1993).

Конверсационисты критически относились к так называемой «традиционной» лингвистике. В принципе, все изложенные далее различия (по PSATHAS 1993) исходят из качественного характера КА⁴:

- Система предварительно категоризирует явления. Таким образом, нетипичное выпадает из поля зрения исследования.
- Редукционизм приводит к чрезмерному упрощению.
- Не принимается во внимание ситуация и непосредственный контекст.
- Важны количественные показатели, поэтому редкие явления выпадают из поля зрения исследования.

Конверсационисты, в отличие от «традиционных» лингвистов, считали своей целью представить внутреннюю структуру процесса интеракции. Поэтому они опираются на эмпирический материал, магнитофонные записи. КА, благодаря легко применяемой в разных сферах методологии, широко распространен в социологии и лингвистике.

Основным объектом исследования КА является разговорная речь. Конверсационисты описывают структуру речи в интеракции. Речь строится из очередей, члены которых связаны причинно-следственными отношениями. Участники интеракции демонстрируют в своих очередях интерпретацию прозвучавших ранее, предыдущих шагов, исследователь имеет возможность представить это понимание текста в процессе лингвистического анализа⁵. Основой же для взаимного понимания конверсации является членство – принадлежность к языковой группе, общине (о механизме категоризации членства подробнее см. SACKS 1992, IVÁNYI и др. 2002, IVÁNYI и др. 2003). На интерпретацию прозвучавшего ранее строится самый надежный

---

² Смотри также Ч. Гудвин (GOODWIN 1979).

³ Не случайно лингвисты употребляют выражения связанные именно с речью как деятельностью, например: „a speaker’s work on discourse production” (GÜLICH-KOTSCHI 1995:30, 31 и др.).

⁴ См. The SAGE Encyclopedia of Qualitative Research Methods 2008, codes and coding.

⁵ См. также HUTCHBY-WOOLFFITT 1998:15.

верификационный механизм КА: подтверждающая сила последующей очереди (HUTCHBY–WOOLFIT 1998: 15). Слушающий, в процессе прослушивания, восприятия реплики опознает, какого типа речевой шаг именно происходит, каково или каковы возможные продолжения этого шага, какова его структура, когда близится конец реплики, каковы те места, где структура шага позволяет собеседнику вступить в беседу и взять шаг, и, приняв во внимание требования ситуации, релевантно реагировать на прозвучавшее ранее. Если же эта реакция не релевантна, неправильна, говорящий, замечая собственную ошибку, стремится как можно скорее исправить ее, если же не замечает, то исправление производится собеседником. Говорящий, таким образом, задает соответствующую его коммуникативным целям траекторию цепочки, своеобразный маршрут или план. Исходя из этого, Сакс в своем радикальном исследовательском проекте приходит к выводу, что повседневная конверсация до последнего упорядоченное, структурированное явление, все элементы которой являются упорядоченными (there is order at all points) (HUTCHBY–WOOLFIT 1998: 18–19, 22). Следовательно, беседа упорядочена и структурирована, а задача исследования конверсационалистов – экспликация этой структуры.

КА – систематичный анализ ограниченной требованиями контекста интеракции. Выводы КА основываются на аудиозаписи разговора, записанного в естественных условиях и изготовленной по этому материалу транскрипции, и следуют из методичного описания и интерпретации транскрибированного материала. Транскрипция не только способ представления языкового материала в КА, порождает, наглядно демонстрирует и верифицирует выводы исследования. Таким образом, транскрибированный материал обладает для исследователей-конверсационистов центральной значимостью.

КА исследует способы порождения и действия речи, каким образом принадлежность к определенной культуре, интеракционная практика принадлежащих к этой культуре людей определяет значение сказанного. Для изучения этих явлений представляет средства КА.

Говорящие кооперируют в своем стремлении к созданию организованной и значимой речи, основа этой кооперации – общий запас знания. КА выявляет эту неписаную базу, которая служит основой организующего речевой процесс причинно-следственного суждения, обнаруживает те разговорные приемы, методы, источники, которые говорящие используют для достижения (претворения в жизнь) своих целей. Анализ речи неотделим от анализа контекста, может быть проведен и проконтролирован (проверен) исследователем/читателем посредством принадлежности к данной культуре.

III Центральные с точки зрения исследования понятия

В процессе интеракции говорящие создают и поддерживают существование социальных институтов. По нашему мнению социальный институт есть организация или система организаций, воплощенная в структуре действия различных ролей или идентитетов. Мы определяем дискурс социальных институтов с одной стороны, как такой вид дискурса, который одним участникам разрешает выполнение определенных актов, а других ограничивает в выполнении действий. Это ряд процедур, которые совершаются для достижения специальных коммуникативных целей в специфичном контексте. Права и обязанности при этом строго предписаны.

Обычно главный признак дискурса социальных институтов видят в его ограничивающей силе, однако это может быть свойственно и другим видам дискурса, поэтому требуется уточнение. Определенное отличие от других типов дискурса возможно с точки зрения коммуникативных целей, коммуникативная асимметрия проявляется в организации передачи разговорных шагов, общей организации конверсации, структуре секвенций, форме речевых шагов и выборе слов, а также в контексте. Анализ этих явлений представляет возможность для описания властных отношений.

Права и обязанности тоже делятся особенно в дискурсе института, резко отличаясь от повседневной речи. Это касается и вежливости и кооперации в коммуникации, в частности ликоустрашающих актов. Основой оценки угрозы

или поддержки лица нами считается выражение единства или отделенности. Под единством мы понимаем единство интерпретаций, основывающееся на общем знании принадлежащих к общей культуре индивидов. Единство интерпретации включает в себя как *совпадение понимания значения*, а также и *согласие* говорящих интерпретировать действия в интеракции одинаково. Отмежевание и отдаленность мы определяем именно с этой точки зрения: выражение отделения от другого говорящего происходит всегда по какой-то причине, специально (несогласие) или случайно (неправильное понимание), но две интерпретации не совпадают. Это имеет свои последствия для формирующегося в процессе интеракции феномена лица – выражение согласия, совпадающего понимания высказывания производит *поддержку*, а выражения несогласия или непонимания – *угрозу* для лица. Рассматривая угрозу или поддержку лица, а также идентитет, становится возможным и концептуализация феномена власть как достигнутого говорящими взаимно в речи в интеракции. Обладание идентитетом профессионала дает носителю этого идентитета право на выражение действительных, финальных интерпретаций, право одобрять или отвергать временные интерпретации непрофессиональных участников разговора. Причем право это он получает не как свидетель или участник событий, знание, опыт которого кажется самым аутентичным, а как обладающее специальными познаниями, проистекающими из его функций в работе института. Причем власть создается не только в этом отношении участников друг к другу – обладающий властью, отказываясь принимать определенные интерпретации, не страдает ни от каких последствий такого поведения, тогда как подобное же поведение непрофессиональных участников заседаний мирового суда строго санкционируется.

Вторая часть диссертации посвящена четырем явлениям, через призму которых наиболее часто проявляется ориентация участников к доминантной позиции профессионала или подчиненной позиции гражданина. Тут рассматриваются случаи симультанной речи, исправлений, управления темой и употребление иронии на заседаниях. В каждой главе раскрывается, какие речевые действия производят говорящие с разным институциональным

идентитетом посредством упомянутых явлений, как реагируют другие на эти действия, анализируется то, есть ли типичные для определенной роли речевые действия. Цель описания в этих главах – предоставление достаточного анализа языкового материала, но в каждой главе разбор конкретных примеров предваряется дискуссией по поводу этих явлений в лингвистических исследованиях по теме.

IV Корпус

Исследуемый языковой материал – это заседания мирового суда, представленные в рамках телевизионной программы, юридического шоу «Час суда». Материал был записан на видеопленку⁶, дигитализирован и транскрибирован (шесть заседаний, 1800 строк транскрипции). Постоянные участники ситуаций: судья (С), истец (И), ответчик, (О), судебный пристав (П), в некоторых случаях свидетели (Св), причем важно различать свидетелей-экспертов от граждан.

Юридическое шоу представляет ситуацию мирового суда, ведущий – известный адвокат, Павел Алексеевич Астахов, телеведущий и писатель, в данный момент помимо юридической практики занимает пост уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка⁷. О личности непрофессиональных участников мирового суда мы, к сожалению, не располагаем сведениями, на основе описания передачи и анализа текстов мы предполагаем, что непрофессиональные лица это рядовые граждане, обратившиеся к организаторам телешоу со своей юридической проблемой. Естественно, как и принято в таких программах, имена и названия мест изменены, однако участники, как и сам ведущий – не актеры-профессионалы, а действительно юрист, разбирающий дело согласно закону и граждане, обратившиеся к юристу за помощью. С такой точки зрения подходя к материалу мы считаем тексты юридического шоу, представляющего заседания мирового

---

⁶ На программе NTV 28, 29 сентября 2005-го года в 16:00.

⁷ http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D0%BB_%D0%90%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%85%D0%BE%D0%B2, доступ: 25.03.2011, 10:00.

суда аутентичным материалом, на примере которого возможно рассмотрение особенностей дискурса правосудия.

V Результаты

Рассмотрев классификацию действий, которые участники судебных заседаний производят при появлении симультанной речи, напрашивается несколько выводов. Появление симультанной речи не обязательно (например, при распознавании и подчеркивании важности сказанного), однако в некоторых типах шагов практически всегда присутствует (при пресечениях темы). Сама симультанная речь – сопровождающее явление формального плана, однако то управление отрезков с симультанной речью, как говорящие относятся к налагающемуся отрезку другого говорящего, выражает их позицию профессионала или непрофессионала в процессе заседания, что и подтверждают рассмотренные нами примеры.

В рассмотренных нами текстах наблюдается релевантное отличие от управления темой в повседневной речи, которое выражается в контроле профессионального участника над развитием тем в речи в интеракции зала суда. Гражданские участники принимают это как должное и ориентируются к контролю судьи в своих речевых шагах. Особо интересны примеры, когда контроль над темой непрофессионального говорящего нестандартный или слабее – в таких случаях всегда присутствует особая мотивация.

Во всех рассмотренных нами исправлениях судьи, начатых им с внешней инициативой, кроме разве что последнего, чисто формального исправления неправильного ударения, нами наблюдается содействие, а может быть даже и подчинение механизма исправления целям, связанным с ролью участника заседания, его идентитетом профессионального лица, судьи в институте правосудия. Исправление используется в целях более однозначного с юридической точки зрения оформления речи и для управления темой

Однако опираясь на наш анализ можно определить важный признак употребления иронии судьей, как профессиональным лицом: для него ирония –

это средство организации речи в зале суда, направления разговора в нужное ему русло. Таким образом, использование иронии профессиональным лицом отличается по мотивации от использования иронии непрофессионалами (выражение эмоций). Другое отличие – это право профессионала совершать весомые ликоустрашающие акты, с другой стороны защищенность от них. Непрофессионалы употребляют «смягчающие» ликоустрашающие акты стратегии, однако сами избегают ликоустрашающих актов в адрес судьи. Таким образом, анализ иронии представляет важную информацию для исследования власти и подчиненной позиции в дискурсе социальных институтов.

Цитируя Сакса – речь до последнего упорядоченное явление, и исходя из этого, можно определить, что структура дискурса выражает замысел говорящих и их ориентацию к ролям, которые они заполняют в ситуации. Эта ориентация обуславливает структуру дискурса и анализ примеров подтверждает это. Доминантная и подчиненная позиция, таким образом, выражается в дискурсе и может быть описана в анализе действий говорящих.

VI Литература, использованная в тезисах

- Arminen, I.: *Institutional Interaction Studies of Talk at Work*. Hants, Burlington: Ashgate, 2005, 5–84.
- Goodwin, M. H.: Building power asymmetries in girl's interaction. *Discourse Society* 13: 6 (2002), 715–730.
- Haworth, K.: The dynamics of power and resistance in police interview discourse. *Discourse Society* 17: 6 (2006), 739–759.
- Huls, E.: Power in Turkish Migrant Families. *Discourse Society* 11: 3 (2000), 345–372.
- Hutchby I. & Wooffitt R.: *Conversation Analysis: Principles, Practices and Applications*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Iványi Zs., Kertész A., Marinecz K. & Máté N.: A társadalmi kategorizálás nyelvi eszközei a 'Grüne Gentechnik' c. korpuszban. In: Andor J., Benkes Zs. & Bókay A. (szerk.): *Szöveg az egész világ. Petőfi S. János 70. születésnapjára*. Budapest: Tinta, 2002, 269–292.
- Iványi Zs., Kertész A., Marinecz K. & Máté N.: A társadalmi kategorizálás grammatikája és pragmatikája. *Modern filológiai közlemények V/I* (2003), 5–24.
- Psathas, G.: *Conversation Analysis: The Study of Talk-in-Interaction*. Thousand Oaks, London, New Delhi: SAGE, 1993.

- Sacks, H.: 'Methodological remarks'. In: Atkinson, J. & Heritage, J. (eds.): *Structures of Social Action. Studies in Conversation Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984, 21–27.
- Sacks, H.: *Lectures on Conversation*. Gail Jefferson (ed.): Oxford: Blackwell, 1992.
- Schegloff, E. A.: Preliminaries to preliminaries: „Can I Ask You a Question?” *Sociological Inquiry* 50 (1980), 140–152.
- Thonus, T.: Dominance in Academic Writing Tutorials: Gender, Language Proficiency, and the Offering of Suggestions. *Discourse Society* 10: 2 (1999), 225–248.
- Thornborrow, J.: *Power Talk Language and Interaction in Institutional Discourse*. Harlow, London & New York: Longman, 2002, 1–59.
- Wang, J.: Questions and the exercise of power. *Discourse Society*, 17: 4 (2006), 529–548.
- Русакова, О.Ф.: Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификаций. <http://politex.info/content/view/232/40> 21 Letöltés: 2007.03.10., 15:06, 2007.

VII Публикации автора по теме диссертации

- Ирония и власть в языке правового дискурса (Употребление иронии профессионалами и непрофессионалами на заседаниях мирового суда). In: Э. Архангельская, Л. Игнатъева & О. Романова (eds.): *Русистика и современность. 13-я международная научная конференция. Сборник научных статей*. Рига: Балтийская международная академия, 2011, 529–534.
- Случаи употребления симультанной речи в дискурсе правосудия. In: Agyagási Klára (ed.): *Tractata Slavica Vol. III.*. Debrecen, 2011, 29–59.
- Возможности описания стратегий власти в определенном виде юридического дискурса. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae* 56/2, 2011, 351–370.
- Natalmi stratégiák a bírósági diskurzusban. *Argumentum* 4 (2008), 157–185. <http://argumentum.unideb.hu/magyar/arhivum.html>.
- Дискурс института как дискурс власти. *Вестник. Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания* № 22. Будапешт, 2008, 68–73.
- Иерархия говорящих в правовом дискурсе. *Slavica XXXVI Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis*. Debrecen, 2007, 51–77
- Некоторые особенности правового дискурса (на основе телевизионной программы «Час суда»). *Slavica XXXIV Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis*. Debrecen, 2005, 61–82.

VIII Публикации, не связанные с диссертацией

Слово в словаре и дискурсе. Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера, Руководитель проекта, координатор издания: А.А. Шумейко. Москва. Эллипс, 2006, 385 стр. *Slavica XXXV Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis*. Debrecen, 2006, 242–246.

Новые и наиболее распространенные сокращения в современном русском языке: краткий словарь-справочник (Под ред. Г.Н. Скляревской, И.О. Ткачевой). СПб.: Филологический факультет СпбГУ, 2004, ISBN 5-8465-0308-X 150 с. *Slavica XXXIV Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis*. Debrecen, 2005, 236–238.